К тому же, обычно добыть кабана или оленя — это уже огромная удача.

Ли Шуянь вспомнил вчерашнюю вечернюю курицу. Обычные семьи даже по праздникам редко видят мясное, а Цэнь Чу, если захочет, может есть его хоть каждый день. Кто же не позавидует такой жизни?

Именно поэтому с Цэнь Чу точно не останешься голодным.

Цэнь Чу достал из кармана лепёшку, отломил небольшую часть и протянул Ли Шуяню:

— Янь-янь, ты впервые поднимаешься в горы на охоту, наверняка непривычно, да и сил потратишь много. Перекуси немного, замори червячка, а не то скоро проголодаешься.

Ли Шуянь протянул ему флягу с водой, разломил лепёшку пополам и отдал половину Цэнь Чу:

— Ты тоже поешь.

— Хорошо. — Цэнь Чу не стал ломать комедию: его же собственный муж о нём заботится.

Немного отдохнув, они продолжили путь к тем местам, где Цэнь Чу установил ловушки.

Сегодня удача улыбнулась им: в силки попались два диких кролика и фазан.

Цэнь Чу связал кроликов вместе, затянул узел и так и пошёл, держа в руках птичьи и кроличьи лапы.

Ли Шуянь смотрел на этого кролика и не мог налюбоваться, особенно сейчас, когда Цэнь Чу нёс его вверх тормашками, а тот лишь беспомощно дрыгал лапами, выглядя донельзя жалобно. В этот момент у него в груди что-то всколыхнулось.

— Послушай, а мы можем не есть кролика, а забрать его домой и вырастить? — робко предложил Ли Шуянь.

— Вырастить? — Цэнь Чу опустил голову и бросил взгляд на кролика. — Разве ты не любишь острую крольчатину?

Ли Шуянь: «…Почему у него всё сводится к еде?» Впрочем, звучало это и правда аппетитно, можно было бы и попробовать.

Цэнь Чу в два счёта отговорил Ли Шуяня от затеи заводить кролика в качестве питомца: во-первых, с ним слишком много хлопот, а во-вторых, эта живность вообще-то создана для еды.

Повторно установив ловушки, Цэнь Чу решил не углубляться дальше в лес и повернул с Ли Шуянем домой.

Обычно он продолжал идти вглубь, чтобы проверить, не попадётся ли ещё какой-нибудь неожиданной добычи.

Но сегодня он был не один, к тому же Ли Шуянь впервые поднялся в горы и ещё не привык к нагрузкам. Раз так, лучше было вернуться пораньше, чтобы они оба смогли вздремнуть после обеда.

Как же хороша жизнь в древности: поохотился, поел — и спать. До чего же уютные и безмятежные дни.

Цэнь Чу одной рукой нёс фазана и кроликов, а другой сжимал руку Ли Шуяня, непременно переплетя их пальцы.

Они наслаждались прохладой легкого ветерка и обжигающим теплом чужих ладоней, и никто из них не хотел нарушать эту гармоничную атмосферу.

Лучи света пробивались сквозь листву, падая на густую чащу леса, а сверчки и птицы наперебой распевали песни, будто споря о том, каким должно быть лето.

Ли Шуянь никогда в жизни не чувствовал себя настолько безмятежно. Раньше его каждый день либо понукали работой, либо заставляли валяться на сыром холодном полу, где в любой момент по нему могли пробежать крысы.

Бесконечная ругань и бескрайний океан насмешек заставили его в какой-то момент полностью потерять всякую привязанность к тому дому.

Но теперь…

Ли Шуянь поднял голову и посмотрел на резкие, высеченные будто ножом черты лица Цэнь Чу. Именно этот человек подарил ему надежду на жизнь и зажглся для него ярким лучом света.

Ли Шуянь опустил глаза, крепче сжал руку Цэнь Чу, прижался к его плечу, и уголки его губ слегка приподнялись.

— Янь-янь, — внезапно позвал Цэнь Чу.

— Что такое? — отозвался Ли Шуянь.

— Не хочешь ли ты снова начать учиться и попытаться сдать императорские экзамены, чтобы добиться высокого положения и богатства? — Цэнь Чу остановился и пристально, с серьёзным выражением посмотрел на него.

В этом обжигающем взгляде чувствовалось такое неотступное внимание, что Ли Шуяню оставалось лишь утонуть в его янтарных глазах.

Ли Шуянь слегка замер. Учёба — казалось, он уже давным-давно забыл об этом, настолько давно, что едва ли не стер из памяти то время, когда был самым юным обладателем ученой степени сюцая.

Теперь же, стоило зайти разговору об учёбе, в его голове всплывало лишь то, что твердили другие: дома такая нищета, откуда взять деньги на твоё обучение, твоё дело — помогать семье пахать в поле, сдать столичные экзамены ты всё равно не сможешь, так к чему тешить себя несбыточными мечтами?

Сомнения, презрение, брань… Эти голоса звенели в ушах, давя на плечи тяжестью целой горы так, что невозможно было вздохнуть или поднять голову.

Цэнь Чу продолжил:

— Если хочешь, я могу отправить тебя обратно в школу продолжать учёбу или сам стану учить тебя. Что думаешь?

— Я… — Ли Шуянь растерянно посмотрел на Цэнь Чу, собираясь что-то сказать, но осёкся.

Продолжить учёбу — до чего же прекрасна была эта мысль! Вот только он боялся, что Цэнь Чу бросил эти слова просто так, поддавшись сиюминутному порыву.

Он знал, что Цэнь Чу к нему добр, но с чего бы тому относиться к нему настолько хорошо? Тот казался внезапно явившимся божеством, что пришло исполнить любые его желания, и всё это выглядело до боли прекрасно, почти нереально.

По его недоверчивому взгляду Цэнь Чу всё понял. Если бы он сам не жил в эпоху с её головокружительными технологиями и потоками информации, он бы тоже ни за что не поверил человеку, сказавшему ему подобное.Семья Ли по отношению к Ли Шуяню занималась не чем иным, как самым откровенным моральным насилием. Сначала они отрицали любые успехи Ли Шуяня, а затем пользовались возможностью заявить, что в семье нет денег, что его учеба — пустая трата времени, и что такой человек, как он, должен просто горбатиться в поле, иначе от него вообще никакой пользы.

Со временем в голове Ли Шуяня не осталось ничего, кроме работы, и его образ мыслей было невозможно изменить в одночасье.

Цэнь Чу радовался. Он радовался, что встретил Ли Шуяня так рано — иначе, когда Ли Шуяня нашли бы его биологические родители, он получил бы куда более глубокие душевные травмы.

Приемные родители Ли Шуяня тоже были еще теми кадрами. Когда они только подобрали и усыновили Ли Шуяня, приемная мать как раз была беременна, и они буквально считали его божеством, дарующим детей.

Вот только после того, как у них один за другим родились еще несколько детей, всё изменилось. Ли Шуяня стали считать обузой для семьи: раз появился еще один рот, нужно больше работать, и было бы лучше, если бы Ли Шуяня вообще не существовало.

Но раз уж ребенок уже подрос и у него появились собственные мысли, нельзя же просто взять и выбросить его, как вещь. Поэтому приемным родителям пришлось смириться с неудачей и растить Ли Шуяня дальше.

Просто смех.

До самого дома Цэнь Чу так и не дождался ответа от Ли Шуяня.

Цэнь Чу налил ему пиалу супа из маша, который приготовил сегодня утром и всё это время остужал в колодце — сейчас было самое подходящее время для прохладного освежающего супа.

Ли Шуянь думал о том, что Цэнь Чу так устал, сам же он ничего не сделал, да еще и сидит ждет готового обеда — так поступать нехорошо.

Тогда Ли Шуянь набрал ложку супа и поднес к губам Цэнь Чу, который как раз разделывал кролика.

Где уж Цэнь Чу было отказываться от проявления заботы со стороны Ли Шуяня? Он без колебаний отхлебнул из ложки и даже нарочно зажал ее зубами, не отпуская.

Ли Шуянь дернул ложку, но вытащить не смог, и только смущенно пробормотал:

— Сначала отпусти.

Цэнь Чу послушно разжал зубы и, качнув подбородком в сторону навеса у колодца, велел:

— Иди посиди там, там прохладнее.

Услышав это, Ли Шуянь взял пиалу и направился туда. Ел он и одновременно следил за тем, как ловко и слаженно Цэнь Чу ощипывает кролика, да так засмотрелся, что потерял счет времени.

Руки Цэнь Чу были определенно самыми красивыми из всех, что он видел: с четко очерченными суставами, изящные, с кожей белой, как нефрит — они казались в сто раз нежнее женских, но при этом не лишены мужской силы и выглядели очень крепкими.

Ли Шуяню всё казалось, что эти руки созданы вовсе не для того, чтобы ощипывать кроликов, кипятить ему воду для купания и мыться, а для того, чтобы держать кисть, чинно сидеть за рабочим столом и вершить судьбы целой страны.

— Кто-нибудь вообще говорил тебе, что у тебя очень красивые руки? — с любопытством спросил Ли Шуянь, склонив голову набок — он был уверен, что кто-то обязательно должен был это хвалить.

Цэнь Чу ответил, даже не поднимая головы:

— Никто. Ты первый, кто это сказал.

Даже если кто-то и говорил, он бы никому не признался — зачем расстраивать своего любимого супруга?

Ли Шуянь не поверил, но расспрашивать больше не стал и просто продолжил молча смотреть на Цэнь Чу.

Его взгляд неотступно следовал за Цэнь Чу, и каждое движение казалось ему невероятно услаждающим взор.

После обеда Ли Шуянь ожидал, что Цэнь Чу ляжет отдохнуть, но никак не ожидал, что тот возьмет его с собой на выход.

Взглянув на знакомую дорогу, Ли Шуянь прищурился и задумался: разве это не та самая дорога, по которой они вчера ходили в деревню? Почему они снова направляются туда?

В сердце Ли Шуяня закрались сомнения, но спрашивать Цэнь Чу, куда они идут, он не стал.

Всю дорогу они шли молча, стояла абсолютная тишина. Если бы Цэнь Чу не сжимал его руку своими влажными от тепла ладонями, Ли Шуянь мог бы подумать, что Цэнь Чу так быстро разлюбил его.

Сейчас Цэнь Чу казался ему довольно сдержанным, в отличие от вчерашней прямолинейности.

К неожиданности Ли Шуяня, Цэнь Чу привел его в книжную лавку.

Вдыхая наполнявший комнату аромат чернил и глядя на аккуратно расставленные перед ним ряды книг, Ли Шуянь испытал невероятно нереалистичное чувство.

— Почему ты привел меня сюда? — спросил Ли Шуянь, глядя на Цэнь Чу сияющими глазами, не в силах скрыть охватившее его волнение.

Цэнь Чу улыбнулся:

— Я знал, что тебе нравится. Раз уж тебе было неловко об этом попросить, я взял на себя смелость привести тебя сюда. Ты ведь не сердишься на меня?

— Нет-нет, — срывающимся от слез голосом произнес Ли Шуянь. — Как я могу сердиться? Спасибо тебе.

Цэнь Чу разжал его руку:

— Тебе никогда не нужно говорить мне спасибо. Теперь мы муж и жена, так что подобные слова — излишняя вежливость.

Ли Шуянь растерянно проговорил:

— Но…

Цэнь Чу подумал, что изменить всё в один миг не получится, поэтому решил действовать постепенно:

— Посмотри пока, какие знания тебе хотелось бы получить. Книги здесь очень разнообразные,

выбирай и покупай всё, что захочешь.

Ли Шуянь тяжело кивнул и, словно пчела, летящая к цветам, бросился в книжный океан, принимаясь выбирать книги одну за другой.

Только снова увидев книги, Ли Шуянь осознал, насколько скудны его познания. Ему предстояло изучить еще столько всего, постичь всё это было просто невозможно, и ему придется очень сильно постараться.Цэнь Чу шёл прямо следом за ним, помогая носить книги. К концу Ли Шуянь всё ещё увлечённо выбирал, а Цэнь Чу уже едва удерживал целую охапку.

Тут к ним подошёл слуга и помог Цэнь Чу разгрузить руки. Цэнь Чу поблагодарил его и передал книги:

— Заверните всё это, пожалуйста.

Слуга ошеломлённо посмотрел на стопку книг — он бы и сам один всё это не унёс. Как этот господин умудрился справиться так легко? Просто уму непостижимо.

Слуга лишь заметил, что Цэнь Чу довольно высок, но под одеждой не было видно его крепкого, сильного телосложения.

— Господин, вам всё это нужно? — уточнил он.

Цэнь Чу подумал, что слуга, наверное, принял его за какого-нибудь учителя. И то верно: кто ещё в реальной жизни станет покупать столько книг за один раз?

— Всё, — Цэнь Чу бросил взгляд на Ли Шуяня. — Цену пока не подсчитывайте, чуть позже будет ещё.

Слуга взял охапку книг и растерянно удалился. Странно всё-таки… Зачем покупать столько книг? Неужели теперь в школах задают столько всего учить?

В голове не укладывалось, совершенно непонятно.

Когда Ли Шуянь наконец дошёл до конца ряда, покупки подошли к концу. Набралось ровно три огромные стопки книг, из которых Цэнь Чу нёс две.

Он вполне мог унести всё сам, но Ли Шуянь упёрся и непременно захотел взять одну стопку на себя.

Книги были довольно тяжёлыми, но Ли Шуянь совсем не чувствовал усталости. Казалось, сама тяга к знаниям придавала ему сил — ему казалось, что он может идти так долго и даже не запыхается.

Цэнь Чу посмотрел на Ли Шуяня, который был готов взлететь от счастья и уже далеко отстал от него, но руки были до отказа заняты книгами, и взять любимого за руку не получалось.

Цэнь Чу погрузился в глубокие раздумья: не нашёл ли он часом себе соперника в любви? Ли Шуянь так сильно любит читать, неужели теперь он окончательно потеряет его расположение?

Осознав это, Цэнь Чу даже испытал искушение вернуть все книги обратно, но, взглянув на счастливое лицо Ли Шуяня, решил оставить всё как есть: впереди ещё долгие дни.

Цэнь Чу послушно шёл позади Ли Шуяня, поджидая, когда тот наконец его заметит.

Ли Шуянь шёл до тех пор, пока у него не устали ноги. Остановившись передохнуть, он вдруг с удивлением вспомнил, что вообще-то вышел на прогулку вместе с Цэнь Чу. А где же сам Цэнь Чу?

Ли Шуянь торопливо оглянулся и встретился с таящим обиду взглядом Цэнь Чу.

Виновато улыбнувшись, Ли Шуянь подошёл к нему:

— Прости, я вовсе не собирался тебя забывать.

— Оказывается, ты всё-таки помнишь, что у тебя есть спутник, — промолвил Цэнь Чу. — А я-то думал, в твоей памяти остались только книги, а о том, кто тебе их покупает, ты и не вспомнил.

Глаза Цэнь Чу оставались ясными, но Ли Шуянь отчётливо почувствовал затаённую обиду.

Свободной правой рукой Ли Шуянь взялся за левую руку Цэнь Чу, помогая ему нести книги:

— Давай я тебе помогу.

Цэнь Чу не стал отказываться — раз уж будущая жена сама проявляет ласку, грех было упускать такую возможность.

Вернувшись домой, Ли Шуянь хотел было отнести огромную стопку книг в свою комнату, но Цэнь Чу потянул его за собой в совершенно другое помещение.

Там оказался очень простой кабинет: книжный шкаф, письменный стол и даже стояла кушетка.

На столе были аккуратно разложены четыре драгоценности ученика, причём бумага с первого взгляда выдавала вещь не из простых.

Ли Шуянь восхищённо ахнул, а его глаза засияли, точно звёздное небо над головой:

— Э-это твоий кабинет?

Цэнь Чу кивнул и опустил книги на стол:

— Теперь это и твой кабинет тоже.

Счастливый Ли Шуянь подбежал к книжному шкафу, проверил по нему рукой, затем заглянул в чернильницу — тушь внутри ещё не высохла.

До чего же чудесно! Он ведь с самого начала говорил, что руки Цэнь Чу совсем не похожи на руки человека, который только и умеет, что готовить еду. И слова о том, что он лично займётся его обучением, тоже не были пустым звуком — Цэнь Чу действительно обладал глубокими познаниями.

— До чего же ты у меня невероятный, — без тени сомнения похвалил его Ли Шуянь.

— То-то же, — гордо задрав подбородок, отозвался Цэнь Чу. — С моими занятиями сдать экзамены на высший балл для тебя сущие пустяки.

Ли Шуянь на мгновение умолк. Хотя он и знал, что Цэнь Чу человек выдающийся, уверенности в собственных силах ему всё же не хватало.

— Ладно, посиди пока, почитай, время уже к ужину, я пойду готовить, — Цэнь Чу погладил его по голове, усадил на стул и вышел.

Стоило Цэнь Чу выйти, как Ли Шуянь радостно подскочил. Он закружился по комнате в восторге, а подойдя к книжному шкафу, глубоко вдохнул аромат туши — этот подзабытый запах был одновременно и таким незнакомым, и таким родным.

Не терпится поскорее открыть книгу! Хотя он уже давно не брал в руки учебники, втайне он продолжал упражняться в каллиграфии, так что базовых знаний не растерял.

Почти половину слов на страницах он ещё помнил, но общий смысл ускользал, оставаясь понятным лишь наполовину. Ли Шуянь подумал, что Цэнь Чу наверняка знает толкование всех этих строк.

Чем дальше он читал, тем сильнее волновался, так что даже не заметил, как Цэнь Чу позвал его ужинать.— Яяй, — Цэнь Чу подошел, вытащил книгу у него из рук, запомнил номер страницы, закрыл ее и сказал: — Пора ужинать, Яяй, почитаешь потом, ладно?

Ли Шуянь с явным сожалением оторвал взгляд от книги и нехотя поднялся на ноги: — Разве обед уже готов? Как же быстро летит время, он ведь еще даже не начитался.

Неужели главная душа Ли Шуяня так сильно любит учиться? Сяо Чжи был таким, Ли Шуянь — тоже. Стоило ему углубиться в учебу, как он переставал замечать всё вокруг. Цэнь Чу уже и не помнит, сколько раз ревновал его к учебникам.

У других людей возлюбленные пропадают неизвестно где, а его — исключительно за книгами, без единого исключения, готовые с головой уйти в океан знаний и никогда оттуда не возвращаться.

Из-за этого в голосе Цэнь Чу прозвучала легкая кислинка: — Да уж, время и правда летит быстро. Я звал тебя раз шесть-семь, а ты даже не услышал. Ну конечно.

Почувствовав недовольство Цэнь Чу, Ли Шуянь сам взял его за руку: — Ладно тебе, ладно, пойдем скорее ужинать. Ты же говорил, что приготовил сегодня для меня острого кролика? Мой младший брат ведь еще не пробовал.

Парень ростом метр восемьдесят с лишним стоял неподвижно, словно каменная глыба, но Ли Шуянь с легкостью повлек его за собой — типичный пример человека, чьи слова расходятся с делом.

Ли Шуянь непрерывно подкладывал еду в тарелку Цэнь Чу, совершенно забыв про собственный обед, и увлеченно рассказывал о впечатлениях от только что прочитанной книги. В его глазах сиял тот самый свет, который Цэнь Чу больше всего надеялся и любил видеть — только так он и выглядел по-настоящему живым.

Совсем не таким, как при их первой встрече, когда в его глазах царила мертвенная пустота.

Однако не есть во время разговора — это неправильно, и Цэнь Чу просто взял кусочек мяса и засунул ему в рот прямо посреди воодушевленного рассказа.

— Сначала поешь, а потом продолжим.

Речь Ли Шуяня мгновенно оборвалась. Внезапно осознав, как сильно он увлекся, он смущенно зажевал мясо.

Цэнь Чу в ответ тоже принялся заботливо подкладывать ему еду.

За ужином вдвоем они прикончили обоих кроликов в придачу к огромной миске белого риса.

Ли Шуянь наелся до отвала, и когда Цэнь Чу стал массировать ему живот, блаженно замурчал.

Помассировав пару минут, Цэнь Чу нахмурился и неожиданно произнес: — Пожалуй, на ночь наедаться всё же не стоит, а то будет несварение.

— А? — Ли Шуянь опустил взгляд на свой круглый животик. Он вовсе не чувствовал, что у него будет несварение… Неужели с завтрашнего дня ему снова придется есть пустую кашу с солеными овощами?

Только не это, Ли Шуянь недовольно надул губы.Те штуки и правда такие противные, посреди ночи вечно от голода желудок скручивало, даже под одеялом было слышно, как он урчит, просто невыносимо.

В итоге на следующий вечер Ли Шуянь, глядя на целого тушеного в соевом соусе кролика на обеденном столе и пиалу диких овощей, погрузился в глубокие размышления.

Оказывается, это он называл есть поменьше, и ничего особенного, а тот-то думал, что будет всё так же, как он ел раньше. Выходит, вот как оно бывает, когда в семье хороший достаток.

Когда Ли Шуянь более-менее переварил еду, Цэнь Чу велел ему отправляться в кабинет и не путаться тут под ногами.Он сначала вымыл посуду, а затем поставил греться воду для ванны — тот ведь целый день мотался за ним по пятам.

Ли Шуянь испытывал некоторую неловкость: тот и массировал ему живот, и сам мыл посуду, и воду кипятил, пока сам он палец о палец не ударил. Разве так годится?

Цэнь Чу, казалось, разгадал его мысли, махнул рукой и прямо сказал:

— Марш в кабинет, читай свои книги, и чтобы я больше не видел тебя за какими-то посторонними делами!

Какой же он грозный, но мне это нравится.

Ли Шуянь радостно и возбужденно направился в кабинет. Оказывается, каково это — когда о тебе кто-то заботится и балует.Когда Ли Шуянь по-настоящему погружался в мир книг, он начинал чувствовать, как быстро летит время. Цэнь Чу снова пришёл, чтобы забрать у него книгу.

— Ты и так уже слишком долго читаешь, так что пора отдохнуть, — заявил Цэнь Чу. — Поспешишь — людей насмешишь, во всём должна быть мера, верно?

Он затолкнул парня в купальню, куда в деревянную баню уже была налита вода.

Ли Шуянь немного поупирался:

— Может, сначала искупаешься ты? Мне кажется, я пока не спешу.

— Ни в коем случае.

Цэнь Чу бесстрастно посмотрел на него. С какой стати этот книжный червь даже по вечерам должен учиться и мешать ему предаваться нежностям с возлюбленной? Разве это не издевательство?

Вечер создан для того, чтобы спать, обнимая свою благоуханную жену.

— Ну ладно, — сник Ли Шуянь и поплёлся внутрь.

Цэнь Чу даже приготовил для него смену одежды.

Однако, когда он вошёл, Цэнь Чу не вышел.

Ли Шуянь уставился на него во все глаза и, полагая, что делает это незаметно, сглотнул слюну:

— А ты почему не уходишь?

Цэнь Чу невольно усмехнулся. Видя, как тот забавно выглядит, ему захотелось немного подразнить его:

— Я ведь тоже собираюсь мыться. Почему бы не вскипятить воду заранее, пока есть время?

http://bllate.org/book/22513/2377458